

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ИСКУПЛЕНИЕ ВИНЫ

Евгений Сухов

СМЕРШ – спецназ Сталина

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Искупление вины

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е. Е.

Искупление вины / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2017 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-699-99642-1

В Вологодскую область заброшена немецкая диверсионная группа. Ее командир, бывший сержант РККА Михаил Аверьянов, – уроженец здешних мест. В немецкой разведшколе он проявил отличные боевые качества и исключительную преданность Рейху. Но на поверку такое старание оказалось маскировкой. Попав на свою территорию, Михаил сдался контрразведке СМЕРШ. После тщательной проверки его привлекают к работе против немцев. Аверьянов пытается искупить свою вину перед Родиной. Но у советской власти к предателям особый счет – суровый и беспощадный...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99642-1

© Сухов Е. Е., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1. Вы любите собак?	6
Глава 2. Живой, мать вашу!..	9
Глава 3. У меня есть выбор?	14
Глава 4. Женщины – существа таинственные	16
Глава 5. Не торопитесь меня благодарить	22
Глава 6. Поехали, голубчики!	25
Глава 7. Это могут быть диверсанты	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгений Сухов

Искупление вины

© Сухов Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1. Вы любите собак?

Конец сентября 1941 года

Майор Гемприх-Петергоф потянул на себя дверь, прошел в небольшой аскетичный кабинет и остановился в двух шагах от стола, обтянутого черной кожей, за которым сидел сухощавый горбоносый человек с черными глазами и пронзительным взглядом. Это был руководитель одного из главных органов военной разведки и контрразведки Третьего рейха вице-адмирал Канарис.

Возглавив службу «Абвера», Вильгельм Франц Канарис предпочитал гражданскую одежду – в основном темные костюмы из тонкой дорогой английской ткани, – но в этот раз на нем был военно-морской мундир с золотым шитьем на рукавах.

Вне всякого сомнения, этот день для адмирала являлся особенным, потому что военную форму он надевал в исключительных случаях, например, когда его приглашали в Ставку фюрера или в Генеральный штаб.

Адмирал Канарис внимательно посмотрел на вошедшего и после затяжной паузы предложил:

– Прошу вас, майор, садитесь!

Сапоги из добротной яловой кожи, собранные в мелкую складку, слегка поскрипывали, отмечая каждый пройденный шаг. Майор опустился на стул и сцепил пальцы в замок.

В штаб-квартире «Абвера», расположенной на улице Тирпицштрассе, 74, Гемприх-Петергоф появлялся не часто. Обычно выше третьего этажа не поднимался – именно там размещались кабинеты заместителей вице-адмирала, которым майор докладывал о проделанной работе. Лишь однажды он удостоился чести быть принятым Вильгельмом Канарисом. В тот раз ему пришлось изрядно поплутать по коридорам, прежде чем отыскать кабинет всемогущего руководителя «Абвера».

Сотрудники здания называли место своей работы «Лисьей норой». Несведущие полагали, что прозвано оно так потому, что в нем работали люди хитрые, в чью службу входило обманывать и дезориентировать противника. Но в действительности дом получил такое название еще до того, как в нем разместилась военная разведка и контрразведка Третьего рейха. Громоздкое здание неоднократно перестраивалось и достраивалось, и каждый из десяти архитекторов, приглашенных на модернизацию, приносил свою замысловатую концепцию, а потому оно имело запутанные коридоры, сложные переходы, необоснованные тупики, в которых непросто было разобраться даже людям, проработавшим здесь не один год, не говоря уже о тех, кто появлялся в нем лишь наездами.

Майор Гемприх-Петергоф внимательно рассматривал горбоносое лицо адмирала, хищно взиравшего на него, и внутренне невольно напрягся.

В состоявшемся визите было много странного. Для разговора его могли бы пригласить генерал-лейтенант Франц фон Бентивеньи или генералы Эрвин Лахузен и Ганс Ос, с которыми он был знаком лично, имеющие немалое влияние в системе «Абвера». Однако он удостоился чести быть принятым самим руководителем ведомства. Следовательно, речь пойдет о чем-то важном.

Вице-адмирал мягко улыбнулся и негромко спросил:

– Майор, вы любите собак?

Вопрос прозвучал неожиданно, и, стараясь не ступешаться, майор громко произнес:

– Так точно, господин вице-адмирал, в детстве у меня была немецкая овчарка!

– Это хорошо. Всегда с уважением относился к людям, которые любят собак... Тем более овчарок! Кажется, в то время вы проживали под Ригой?

– Именно так, господин вице-адмирал, на Балтийском побережье у нас было фамильное имение, но после того, как в нем расположилась одна из частей Красной армии, оно пришло в негодность. Имение ограбили, разорили, на дрова спилили даже яблони. Сейчас оно требует больших вложений.

– Это печально. – Лицо Канариса приняло сочувствующее выражение. – Но вы собираетесь его отстраивать?

– Конечно, надеюсь, что это произойдет в ближайшем будущем, – с готовностью ответил Гемприх-Петергоф и, улыбнувшись, добавил: – Вот когда оно будет восстановлено, тогда я непременно вновь заведу собаку.

– А у меня есть собаки, – продолжил Канарис. – Две маленькие симпатичные таксы. Я от них просто в восторге! Вы даже не представляете, какое удовольствие я испытываю, когда их выгуливаю. – Адмирал слегка поежился. Южная кровь давала о себе знать: он жаловался на стылость даже в теплые дни, а потому редко открывал в своем кабинете форточку, разве только затем, чтобы выкурить у окна сигарету. – Все это хорошо... Но давайте поговорим о главном. Не скрою, прежде чем пригласить вас к себе, я весьма подробно ознакомился с вашим личным делом. Но мне бы хотелось услышать от вас, так сказать, наиболее важные этапы вашей биографии.

– Я – прибалтийский немец. По семейным преданиям, мои предки были курляндские бароны. Триста лет назад Людвиг Гемприх перебрался в Ригу, где женился на местной красавице, и с тех самых пор все мои прародители считали эту землю своей родиной. Я тоже родился в Риге... Учился в реформаторской гимназии в Петербурге, окончил ее в тысяча девятьсот пятнадцатом году. Тогда же добровольцем вступил в русскую армию, через три месяца получил офицерское звание. Воевал до самого последнего дня Первой мировой войны, пока большевики не заключили Брестский мир. Последующие два года воевал на стороне Белой гвардии в Прибалтике и под Петроградом...

– В Петергофе?

– Именно так.

– Оттуда ваша вторая фамилия – Петергоф?

– Скорее это псевдоним... С этим городом у меня многое связано... Там я впервые встретил свою настоящую любовь, там завел друзей, с которыми дружу до сих пор. В этом городе я едва не погиб... И если бы не помощь моих товарищей, попал бы в плен к красным и был бы расстрелян, как и многие мои сослуживцы... Большевики особенно не церемонились... Тогда я поклялся, что, если останусь в живых, обязательно добавлю к своей фамилии Петергоф. Вильфред Карлович Гемприх остался в прошлом, а вместо него появился Вильфред Карлович Гемприх-Петергоф.

– Понимаю. Что было дальше?

– Дальше работал по мандату международного Красного Креста. Затем до тридцать девятого года представлял германские предприятия, а когда в Прибалтику пришли советские войска, мне пришлось уйти, и я попросился на службу в «Абвер»... Выполнял специальные задания в Европе, в Африке. И очень надеюсь, что и дальше буду приносить пользу Третьему рейху.

– Я внимательно слежу за вашей карьерой, Вильфред, вы весьма неплохо проявили себя при организации лагерей для военнопленных.

– У меня было перед многими преимущество, все-таки я сам из России, знаю русский язык и русских.

– Я оценил вашу скромность. Немало наслышан о вашей преданности Третьему рейху, а ваше умение разбираться в психологии русских весьма ценно для нас. Мы думаем дать вам новое задание.

– Я готов, господин вице-адмирал!

– Не торопитесь с ответом, – поумерил пыл майора Канарис. – Оно будет весьма непростым и отличается от всех, что вы получали ранее.

– Меня не пугают трудности, господин вице-адмирал.

– Мне это известно... Для работы в тылу противника вам следует собрать группу из двадцати человек. Отбирать нужно лучших, и здесь я всецело полагаюсь на ваш боевой опыт и умение работать с русскими. Ваша цель – Вологодская область! Нас очень интересует этот район. Для Третьего рейха он является стратегическим... Впрочем, как и для русских. Для них сейчас это глубокий тыл, где оборудованы склады боеприпасов, продовольствия, обмундирования. Через Вологодскую область проходит северная железная дорога, по которой идет снабжение Ленинградского фронта, далее она продолжается на север к Мурманску и к Архангельску. Наша основная задача – перерезать эту ветку! Но для этого мы должны знать обстановку на месте, а без людей, внедренных в железнодорожные узлы, сделать такое не представляется возможным. Кроме того, у нас имеются серьезные основания предполагать, что русские рассчитывают прорвать блокаду Ленинграда, поэтому отправка вашей группы в Вологодчину и сбор информации о передвижении русских военных соединений будет иметь для нас первостепенное значение. Возьметесь за это задание, майор?

– С большим удовольствием, господин адмирал! Только у меня есть одно небольшое предложение.

– Предложение? – удивленно посмотрел на Гемприх-Петергофа Канарис. – И какое же?

– Среди царских офицеров была широко распространена игра в карты.

– Мне это известно, – слегка кивнул адмирал.

– Предпочтение всем другим партиям мы отдавали игре в «двадцать одно». Смысл этой игры заключается в том, что нужно набрать двадцать одно очко. Кто раньше это сделает, тот и выиграл. Эта игра всегда идет на удачу, и мне в ней везло больше, чем остальным. Я бы хотел, чтобы в моей группе было не двадцать человек, а двадцать один... Так сказать, на удачу!

Тонкие губы адмирала растянулись в широкой улыбке:

– Вижу, что вы по-прежнему остаетесь русским офицером, хотя и носите немецкую форму. Возможно, это и неплохо... Хорошо, я согласен, пусть будет двадцать один. Все ваши отчеты направляйте мне лично. Я должен знать о каждом шаге вашей группы. Фюрер тоже весьма заинтересован в благополучном исходе предстоящей операции.

– Слушаюсь, господин адмирал!

– С вашим оперативным опытом и умением грамотно работать мы вправе рассчитывать на успех. Только советую вам не быть слишком азартным, это весьма вредит делу.

– Я осознаю, господин адмирал. Разрешите идти?

– Ступайте!

Майор Гемприх-Петергоф бесшумно поднялся из-за стола и, поскрипывая новыми яловыми сапогами, вышел из кабинета.

Глава 2. Живой, мать вашу!..

За последующие десять дней майор Гемприх-Петергоф посетил восемь лагерей для военнопленных, в четырех из них отобрал для своего отряда двадцать человек. Оставалось отыскать последнего.

В лагере Заксенхаузен, созданном для русских активистов, ему удалось отобрать четырех человек, имевших личные счеты с Советами. Среди них было двое рядовых, сержант и кадровый офицер, отличавшийся патологической ненавистью к Сталину. Оставалось лишь удивляться, как ему удавалось скрывать свое настроение от сослуживцев. Но офицер он был грамотный, думающий, не случись плена, у него были бы хорошие шансы дорасти до майора.

Еще пятерых майор отобрал в городе Аушвице, в особом предварительном лагере, организованном для уроженцев Кавказа, – двух грузин, одного ингуша и двух чеченцев. Еще трое были завербованы в предварительном лагере в глуховатом местечке Лешково, официально именовавшемся «СС зондерлагерь «Лешаново». На его основе форсировался «Туркестанский легион». Отряд получался интернациональный, но их всех объединяла нелюбовь к большевистскому режиму. Еще восемь человек были завербованы в штрафном лагере, расположенном в небольшом провинциальном городке Крейцбург. В нем содержались агенты и сотрудники «Цеппелина», допустившие nepозволительные проступки, или те, кто не сумел пройти проверку после выполнения задания в советском тылу. Одетые в широкую робу, они носили на одежде нашивку желтого цвета с литерами «SU».

С каждым из них майор Гемприх-Петергоф побеседовал индивидуально: его интересовала их прежняя жизнь, чем они занимались до войны, привязанности, привычки – в общем, все, что могло бы пригодиться в работе. У каждого собственная судьба, затолкавшая по воле случая в штрафной лагерь, от которого всего-то один шаг до концентрационного. Опрошенные прекрасно понимали всю серьезность ситуации, а потому не стыдились проявлять чрезмерное усердие и вытягивались перед майором так рьяно, словно хотели достать макушкой потолок. Появление Гемприх-Петергофа воспринималось ими как счастливый шанс вернуться к прежней сытой жизни. И майор, являясь человеком дотошным, подробно и обстоятельно вникал в их житейские и служебные перипетии.

Трое из допрошенных, пренебрегая дисциплиной в разведшколе, были замечены выпившими и теперь клятвенно уверяли Гемприх-Петергофа, что не взглянут даже на квас. Двое, находясь на службе в полиции, угодили в лагерь за убийство – первое свершилось из-за ревности, второе – из-за неприязненных отношений. Оставшаяся троица, находясь на службе в «Абвергруппе», была отправлена в лагерь за воровство.

Следующим пунктом назначения стал концентрационный лагерь близ города Веймар. Начальник этого лагеря – старинный приятель майора капитан Якоб Грюнвальд, с которым тот весело проводил время в Берлине, учась на высших курсах академии Генштаба. Этот лагерь создавался как начальный этап подготовки агентуры, включавший в себя двухмесячный медицинский и политический карантин, а также дальнейшую разведывательную и диверсионную проверку. В его руководстве находились сотрудники «Абвера», а выполнение практической работы было возложено на бывших царских и советских офицеров, и он по праву считался одним из лучших в Германии.

Гемприх-Петергоф приехал в лагерь в тот день, когда накануне случилось чрезвычайное событие: утром во время тактического учения по стрельбе из особого сборного лагеря сбежало восемнадцать человек, застрелив инструктора и командира взвода. С привлечением армейских частей и батальона СС беглецов всю ночь отлавливали по близлежащим окрестностям. Десять человек после короткого следствия отправили в лагерь смерти, а остальных, выявленных как зачинщики, должны были расстрелять перед строем.

Место казни определили на краю поля, вырыв в глинистой земле несколько неглубоких ям. Место безлюдное – куда ни глянь, всюду заросшие смешанным лесом холмы. До ближайшей деревушки километра два, так что слаженные залпы никого не побеспокоят или будут восприняты за далекие раскаты грома, что в наступившую непогоду вполне оправданно.

Капитан Грюнвальд, напоминая себя прежнего, травил анекдоты про евреев, и в какой-то момент майор даже поверил, что они идут не к месту предстоящего расстрела, а на веселую гулянку.

Солдаты айзацгруппы привели приговоренных. Взводам командовал сублильный бело-брысый немец, едва вылупившийся из возраста гитлерюгенд. Якоб Грюнвальд обмолвился о том, что парень весьма романтичный: сочиняет стихи, поет, любит фотографировать. Особенно предпочитает расстрелы евреев, собрал уже целый альбом. В нем же хранил снимок невесты, обожаемой Гретхен.

Сломленные, с разбитыми лицами, арестованные безропотно выполняли команды командира взвода. Личный состав айзацгруппы состоял преимущественно из полиции порядка и нескольких работников уголовной полиции. По их спокойным слаженным действиям было понятно, что расстрел для них давно уже стал рутиной. Немного в стороне, вооружившись лопатами, стояли сотрудники вспомогательной полиции.

Грюнвальд зачитал приказ о расстреле, после чего приговоренных поставили на край неглубокой ямы. Руки у арестантов были связаны за спиной тонкой веревкой, глубоко врезающейся в кожу, но неудобств никто не ощущал. Судя по отрешенным лицам, становилось ясно, что они успели смириться с предстоящей смертью.

Хлипенький лейтенант с острым кадыком на тощей шее прокричал команду, поднимая вверх руку:

– Гото-овьс-сь!

Расстрельная команда из шести полицаев привычно вскинула карабины, и стволы, пропахшие порохом, хищно отыскивали очередную жертву.

– Пли! – задиристо выкрикнул лейтенант.

Расстрелянные упали на дно ямы. Айзацгруппа отошла в сторону под ветвистый клен, и, пользуясь перерывом, все присели на ящики из-под снарядов и молча закурили.

Полиции из вспомогательного отряда некоторое время рассматривали на дне ямы расстрелянных, а потом привычно и без особого усердия, как это делают только могильщики, принялись засыпать трупы рыжей глинистой землей. Затем, немного потоптавшись на появившемся холмике, отошли в сторонку.

Четверо полицаев из айзацгруппы подвели к краю ямы следующую партию приговоренных. Среди них выделялся красноармеец, стоявший слева, – русоволосый, с большими глазами, он невольно притягивал взгляды. Пройдет какой-то миг, и широко распахнутые глаза будут присыпаны землей.

– У меня есть просьба, господин капитан, – вдруг произнес арестант.

– Гото-овьс-сь! – скомандовал сублильный лейтенант.

– Ты не хочешь выслушать, что он скажет? – посмотрел на приятеля Гемприх-Петергоф.

– Что у тебя? – раздраженно спросил Грюнвальд.

– Развяжите мне руки, господин капитан. Не хочется престать перед господом со связанными руками.

– Отставить... Развяжите ему руки, – распорядился капитан.

Юркий полицейский подскочил к арестанту и, чиркнув ножом по веревке, отскочил в сторону. Белобрысый растер затекшие запястья и, расстегнув накладной карман, вытащил из него какую-то бумагу и крепко зажал в ладони.

Грюнвальд протянул майору флягу с ромом. Тот благодарно принял ее, отпил большой глоток и, возвращая флягу, произнес:

– Неплохой ром. А кто этот солдат с левого края?

– Это сержант Аверьянов, он главный инициатор побега. Хотели расстрелять на месте, но все-таки решили сделать это перед строем. В назидание остальным.

– Как же вы его так просмотрели? – удивленно спросил Вильфред.

Солдаты айзацкоманды, повинуясь приказу офицера, послушно побросали недокуренные сигареты в притоптанную траву и вытянулись в короткую цепь напротив приговоренных.

– Не ты первый задаешь этот вопрос, – ответил майору Грюнвальд. – Хорошо притворился... Он прошел двойную фильтрацию, изъявил желание сотрудничать и бежал сразу после окончания карантина. Кстати, мы поймали его последним. Надо признать, он проявил немалую изворотливость.

Неожиданно к белокурому красноармейцу подошел крепкий коренастый полицейский из вспомогательной группы и что-то энергично проговорил. Выслушав короткий ответ, он слегка хлопнул его по плечу и отошел в сторону. Увиденное показалось майору странным – люди, стоявшие на краю пропасти, для всех присутствующих были уже мертвецами. Что же их связывало?

– Огонь! – громко крикнул офицер, и шесть выстрелов слились в один. Приговоренные, сбитые ураганом пуль, попадали на дно ямы.

Вспомогательная группа, не дожидаясь следующей команды, действуя явно по привычке, похватав лопаты, зашагала к яме. Комья земли шумной россыпью разбивались об тела убитых. Зондеркоманда работала дружно, слаженно, не скупилась на землю, засыпая руки, ноги, лица...

Поднявшись, Гемприх-Петергоф подошел к яме. В неестественных позах, уже наполовину засыпанные комьями слежавшейся глины и земли, лежали расстрелянные. Белокурый боец лежал лицом вниз. На гимнастерке с правой стороны расплывалось красное пятно. А ведь какую-то минуту назад он двигался, говорил, даже чего-то просил. Одним словом – жил!

Неожиданно со дна ямы прозвучал протяжный стон. Полицай вспомогательной группы на минуту прекратили работу и в ожидании посмотрели на майора. Глинистое дно ямы колыхнулось, и на поверхность, приподняв русую голову, перепачканную в глиноземе, и подгребая под себя руками землю, стал выбираться Аверьянов.

– Живой, мать вашу!.. Такую волю к жизни не у каждого увидишь... Теперь понимаю, почему он попросил развязать руки. Что же его так здесь держит?

– Пристрелить, господин майор? – скинул с плеч карабин подошедший полицай.

– Отставить!

– Ма... ся... – прошептал раненый.

– Что он говорит?

– Матерится, кажись.

– У этого парня сильный ангел-хранитель. Я забираю его у вас, именно такой мне и нужен. Будет двадцать первым! Вытащить его из ямы!

Полицейские не спешили выполнять распоряжение майора. Для них он был человеком со стороны.

– Бегом выполнять приказ! – повысил голос Гемприх-Петергоф. – Если не хотите окатиться на их месте!

Отставив в сторону лопаты, полицейские попрыгали в яму. Аккуратно подхватили раненого под руки, бережно попридержали ноги, выволокли его из ямы и, положив на землю, перевернули на спину. Майор присел рядом, расстегнул ему ворот и спросил:

– Что это у него в руке?

– Какая-то бумага, – ответил полицай и попытался забрать ее, но раненый держал листок на удивление крепко. – Вот вцепился... – буркнул он и, все же вытащив, протянул листок Гемприх-Петергофу: – Возьмите, господин майор.

Расправив его, Гемприх-Петергоф увидел, что это рисунок, бережно сложил его вчетверо и сунул в карман.

– Ты меня удивляешь, Вильфред, прежде я не замечал в тебе сентиментальности. Обычно мы пристреливаем раненых. Один выстрел в затылок, и все кончено! Что на тебя нашло? – спросил подошедший Грюнвальд.

– Считаю меня сентиментальным, но этот случай – беспримысленный вариант. Он будет мне благодарен всю жизнь за то, что я вытащил его из могилы, а значит, станет верным солдатом Третьего рейха. Будет служить в моей группе... если выживет, – ответил майор.

– Врачам придется очень серьезно потрудиться. Обычно после таких ран не выживают.

Веки красноармейца дрогнули, и он негромко произнес, устремив взгляд в посеревшее небо:

– Ма... ру... ся... – И тут же неровно задышав, смежил веки.

– Что он сказал? – спросил Грюнвальд.

– Кажись, бабу какую-то вспоминает, – безразлично произнес стоявший рядом полицейский. – Не то Маню, не то Марусю. Не разобрать!

– Ах, вот кто его на тот свет не пускает... Стоять на краю могилы и думать о женщине! А ведь он был уже почти покойник... Вот что значит настоящая любовь!

– Видно, этот русский и в самом деле очень любит эту женщину. Где-то ему можно даже позавидовать... Надеюсь, Вильфред, что ты не ошибся в своем выборе, – произнес капитан Грюнвальд.

– Дождь, кажется, будет, – посмотрел на потемневшие облака майор. – В это время погода всегда дрянь! Чего стоим?.. Положили его на телегу, да поаккуратнее, и так едва душа в теле держится! Везем в лазарет!

Русоволосого уложили на пук сена. Щербатый возница невольно хмыкнул, озадаченный таким неожиданным решением, и прикрыл раненого рогожей.

– Но, пошла родимая! – поторопил он кнутом застоявшуюся лошадь.

Полицаи, выстроившись по двое, уже двинулись к расположению лагеря, только вспомогательная команда продолжала орудовать лопатами, разравнивая землю. О расстрелянных более ничто не напоминало, разве что стреляные гильзы, валявшиеся подле захоронения, да еще пара новых сапог, аккуратно поставленных под дерево, – мертвым они не нужны, а вот кому-нибудь из полиции еще послужат.

У последней ямы возился коренастый чернявый мужик лет тридцати пяти. Землю разравнивал старательно, с усердием разбивал большие комья земли. Было видно, что в земляных работах он изрядно поднаторел и к своей службе относился с подобающим рвением. Он был из тех людей, что привыкли выполнять порученное дело добросовестно, для которых не существовало мелочей. Оставался самый краешек ямы, и чернявый, едва ли не высунув язык, разравнивал бугры.

– Фамилия?

– Рядовой Тарасюк.

– Это ты подходил к белобрысому?

– Так точно!

– Что ты ему сказал? – спросил майор, с интересом посмотрев на полицейского.

– Пожелал ему дороги в ад!.. – распрямившись, ответил чернявый.

– Хм... Ты всем так желаешь?

– Нет, только ему. А еще сказал, что закопаю его так, что он больше не выберется.

– Хм... Вот оно что... Что же он тебе ответил?

– Сказал, что ради любимой женщины выберется из любой могилы.

– Значит, этот Аверьянов не соврал. Ты его знаешь?

– Да, мы жили в одном городе.

– Чем же он тебе так насолил, что ты его решил поглубже закопать?

Чернявый нахмурился, на лбу образовалась длинная кривая складка. Тут было что-то личное, что он хотел бы сохранить в тайне.

– До меня моя жена встречалась с ним. Забыть этого я не мог... Когда мы были с ней близки... нередко называла меня его именем, – наконец выдал он из себя.

– Вот оно что, – усмехнулся майор. – А ты злопамятный. Это неплохо! А еще ты хорошо копаешь. Считай, что с сегодняшнего дня у тебя будет новое место работы.

– Какое? – удивился чернявый.

– Пройдешь обучение в диверсионно-разведывательной школе. Согласен?

– Так точно! Во всяком случае, это веселее, чем работать могильщиком.

– Твой приятель... которого ты не сумел зарыть, тоже будет в моей группе. Так что вам придется подружиться. Если увижу что-нибудь неладное... Пристрелю обоих! Все понятно?

– Так точно!

– А теперь становись в строй, тебя уже ждали.

Вернувшись в расположение «Абверкоманды-104», майор Гемприх-Петергоф вызвал к себе куратора группы. Через несколько минут в его кабинет вошел сорокапятилетний обер-лейтенант Филипп Голощекин.

– Меня интересует последний набор агентуры, все ли в порядке?

– Есть одно правонарушение, рядовой Ломидзе был вчера замечен выпившим.

– Ломидзе отправить в штрафной лагерь! Все, вы свободны!

Обер-лейтенант вышел, а майор, глядя ему вслед, подумал: «Теперь в моем отряде снова двадцать один человек».

Глава 3. У меня есть выбор?

Михаил Аверьянов проснулся от того, что рядом кто-то громко простонал. Открыв глаза и повернув голову, он увидел, что лежит в большой палате с плохо отштукатуренным потолком, на котором были видны желтоватые мазки от кисти. Небольшое окно, через которое виднелся высокий разросшийся клен, его ветки слегка постукивали по старенькой поцарапанной раме. Форточка была широко распахнута, и через нее в палату задувал свежий ветерок. Было прохладно, и Михаил, невольно поежившись, натянул на плечи одеяло.

В палате было еще три кровати: по соседству лежал крупный мужчина и что-то бормотал в глубоком бреду. Прислушавшись, Аверьянов понял, что тот говорил по-немецки. Лицо у него было основательно заштопано, обезображено грубыми розовыми шрамами – следы от мелких осколков, такое случается, когда неподалеку разрывается ручная граната.

У окна стояла еще одна кровать, на которой ворочался тощий парень с глубоко запавшими щеками. У самых дверей стояла аккуратно заправленная кровать, а на стуле в белых кальсонах и в тапках на босу ногу сидел невероятно рыжий, с крупными веснушками на широком лице мужчина лет тридцати и лениво перелистывал газету на немецком языке.

«Немецкий госпиталь», – сообразил Аверьянов.

Хотел было подняться, но, почувствовав боль в правой голени, невольно простонал. Видно, с прогулкой придется повременить.

Отложив газету в сторону, рыжий немец, коверкая русские слова, спросил:

– Как дьела, рюсский?

– Хорошо, – только и сумел выдать Михаил.

– Я думаль, шьто ты помрешь. Ушь польно ты биль плохь.

– Рано ты меня хоронишь, немец, поживу еще.

Рыжий выглядел вполне добродушным малым. Среди тяжелобольных он изрядно заскучал и решил разнообразить невеселое времяпрепровождение в разговоре с русским.

– А ты шутник, – заметил Аверьянов.

– Есть немношкьо.

– Рыжие – все шутники.

– Ты тожъе веселей, – рассмеялся немец.

Дверь открылась, и в палату вошел немецкий майор. Михаил узнал его сразу, он был гостем капитана Грюнвальда.

– Вижу, что ты очнулся, – подходя к его кровати, произнес майор. – Это хорошо! Значит, твои дела идут на поправку. Многие сомневались, что ты выкарабкаешься, а я вот был уверен. Не у каждого можно встретить такую жажду к жизни, как у тебя. А ты не боялся, что могли бы в затылок пальнуть?

Аверьянов не мог вспомнить, как попал в госпиталь. Проведенные в беспамятстве дни представлялись лишь отрывочно, как некая лишенная деталей мозаика, собрать которую воедино не представлялось возможным. Отдаленно припоминал металлическую панцирную кровать с поцарапанными ножками, красивый женский голос, раздававшийся откуда-то изда-лека, яркий свет, какой бывает только в операционной... Что же еще с ним такое было? Ах, да! Его же расстреляли. Тотчас вспомнился противный скрип песка на зубах.

– Не боялся... Знал, что выживу.

– Ты едва не умер от потери крови. Врачам пришлось немало постараться, чтобы вытащить тебя с того света. Буквально за хвост! Я распорядился, чтобы за тобой был достойный уход.

Аверьянов отчетливо вспомнил наставленные в грудь стволы карабинов, сублильного лейтенанта, стоявшего немного в стороне. Припомнил, как тот яростно рубанул рукой, разделив его прежнюю жизнь на две части: то, что было до расстрела, и то, что составляло после.

– Спасибо.

– Это ты не мне должен сказать, а врачам, у тебя будет для этого возможность. Но теперь ты мой должник.

– Что я должен сделать?

– Ты должен пройти специальную программу в разведывательной школе.

– А что дальше?

– А там посмотрим, как тебя использовать дальше. Как тебе мое предложение?

– Разве у меня есть другой выбор?

– Ты быстро соображаешь. Для вчерашнего покойника... Я в тебе не ошибся.

– Я согласен. Должен же я как-то отблагодарить вас за свое спасение.

– Кем ты был до войны?

Проснулся немец, лежавший на соседней койке, и с интересом вслушивался в разговор. Видно, русский большая птица, если его навещает офицер «Абвера».

– Моя семья держала лавку... Но главное мое ремесло – резчик по дереву, это у меня получалось лучше всего. Любил вырезать птиц. Мы их называем «берегинями».

– Откуда ты родом?

– С Вологды.

– Вот как... Это хорошо, – одобрительно кивнул майор.

– У нас в Вологодчине едва ли не в каждом доме висит такая птица.

– Для чего нужна эта «берегиня»?

– Она оберегает от беды. Хранительница домашнего очага.

– Вот как только разобьем Советы, будешь вырезать своих птиц, сколько захочешь. Кстати, а что это за рисунок? – Майор вытащил из кармана сложенный вчетверо листок и, развернув его, положил на покрывало.

Обыкновенный блокнотный лист, на котором химическим карандашом был нарисован профиль красивой молодой женщины. В некоторых местах рисунок был подпорчен каплями воды, контуры лица расплылись, но в каждом штрихе чувствовалась рука настоящего мастера. Края листка заметно пообветшали, а на месте сгибов имелись белые полосы, слегка портившие рисунок. Но было件нятно, что этот клочок бумаги берегли, как настоящую ценность. Вещица хранилась в верхнем кармане гимнастерки, застегнутом на металлическую пуговицу, там, куда обычно кладут самые важные документы.

Михаил оторвал от одеяла ослабевшую руку и потянулся к листку:

– Где вы взяли этот рисунок?

– Ты его держал в кулаке, когда тебя расстреливали. Понял, что этот рисунок тебе дорог, вот, решил сохранить.

– Я его вытащил из кармана перед самым расстрелом. Это и есть моя Берегиня, – осипшим голосом произнес Михаил.

– А кто эта женщина?

– Мой ангел-хранитель... Теперь все будет хорошо.

– Хм, вижу, что ты лучше меня знаешь. Кстати, теперь я буду называть тебя Филином.

– Почему?

– Ты выбрался из тьмы, парень. Без колдовства здесь не обошлось, – ответил Гемприх-Петергоф и, кивнув на прощание, вышел из палаты.

Глава 4. Женщины – существа таинственные

Майор Гемприх-Петергоф внимательно рассматривал светловолосую девушку, сидевшую напротив. Своими внешними данными она вплотную приближалась к арийским стандартам: высокий рост, светлые пушистые волосы, глаза – темно-голубые, а еще она великолепно знала немецкий язык. Но самое главное, происходила из местных фольксдойч, что давало ей право на работу в полевых борделях.

Недостатка в претендентках не было, более того, существовала даже некоторая конкуренция, немки проявляли невиданный патриотизм и шли в бордели едва ли не массово, чтобы оказаться сопричастными к победам вермахта. Но своими впечатляющими формами Гертруда оставила позади многих своих соперниц. Впрочем, за те преимущества и вознаграждение, что предлагал Третий рейх, стоило побороться: девушки получали весьма высокую зарплату, усиленный пищевой паек и некоторые дополнительные преференции, которые значительно облегчают обычную жизнь.

Гертруда «трудилась» в офицерском публичном доме, а прежде работала в фельдфебельском, куда нередко заглядывал и Филин. У него с ней образовалось нечто вроде доверительных отношений, что весьма интересовало майора, который хотел о каждом своем воспитаннике знать все.

Сам майор Гемприх-Петергоф тоже не брезговал услугами офицерских проституток. В таких борделях служили исключительно немки, выросшие на исконно германских территориях – в Силезии, Баварии, Саксонии, Пруссии... Каждая из них была не ниже, чем метр семьдесят пять, непременно светловолосая, с голубыми или серыми глазами и обладала хорошими манерами. Все проститутки входили в Немецкий союз женщин и Ассоциацию немецких девушек «Вера и красота» и служили в борделях исключительно добровольно. Но самое забавное заключалось в том, что все они всерьез верили, что своей так называемой «работой» поднимают боевой дух солдат и офицеров.

Эти мысли невольно заставили майора улыбнуться.

– Вам весело, майор? – неожиданно спросила девушка.

– Ну-у, не так чтобы очень... Просто вы, Гертруда, мне напомнили одну девушку, с которой я был близок.

– Мне приятно это слышать... Она была так же хороша собой, как и я?

– Помилуйте! – чуть ли не возмущенно воскликнул Гемприх-Петергоф. – Вы куда интереснее, чем она! Просто та девушка была моей первой любовью.

О своей собеседнице майор знал многое. Сразу после окончания двух курсов медицинского университета, побуждаемая патриотическими чувствами, Гертруда как одна из активисток Ассоциации «Вера и красота» была направлена на передовую Восточного фронта. Надо признать, что она была отобрана среди многих претенденток, подходивших по всем параметрам, и прошла жесточайший конкурс.

Первые три месяца Гертруда работала в публичном доме для солдат, обслуживая за месяц до шестисот человек. Бордели, как правило, располагались в прифронтовой зоне, неподалеку от передовой. Так что снаряды, разрывающиеся неподалеку, только усиливали ее желание быть полезной.

Впоследствии было замечено, что девушка слишком хороша для солдатского потребления, и тогда ее перевели в фельдфебельский бордель, где клиентов было не столь много, а зарплата куда выше. И только полгода назад вышел приказ о переводе ее в офицерский публичный дом.

– Так что вы хотели узнать у меня, господин майор? – Гертруда пристально посмотрела на Гемприх-Петергофа.

Вытащив из ящика стола фотографию Аверьянова и протягивая ее Гертруде, майор спросил:

– Вам знаком этот человек?

Она взяла снимок, слегка надула полные капризные губки, а потом обиженно проговорила:

– Разве при такой работе, как у меня, всех запомнишь? Хотя нет... Этого я помню. Правда, здесь он немного другой... Усталый, что ли, изнуренный. Почему-то мне он показался особенным.

– Потому что разговаривал на русском?

– Совсем нет. В нашей работе встречаются немцы, которые выучили русский язык, много и прибалтийских немцев... Просто он во время нашей близости все время называл меня Марусей и при этом был со мной очень нежным, будто я действительно была его девушкой.

– И это все?

– Нет, не все... Обычно мужчины рассказывают о своих подругах и женах, о том, как они их любят. Но этот вел себя совсем иначе. Он не жаловался, не рассказывал про свою невесту, а просто все время повторял: «Я к тебе вернусь. И мы опять будем вместе».

– Что он еще говорил? Припомните, меня интересует каждая мелочь, важна каждая деталь.

Перед встречей с Гемприх-Петергофом чиновник из социального министерства предупредил Гертруду, что майор – весьма важный чин в службе безопасности, поэтому она должна быть с ним предельно откровенной и исполнять все, о чем бы он не просил. Девушка была готова ко всему, вот только никак не ожидала такого разговора.

– Говорил, что мечтает вернуться в свой город. И все, что с ним произошло, это испытание, которое он должен с честью выдержать.

– Он ругал немецкий порядок?

– Такого я не припомню, – немного подумав, ответила Гертруда. – Говорил, что был серьезно ранен, что долго лежал в госпитале, что немцы его подлечили, спасли. Хотя однажды обмолвился о том, что лучше бы они этого не делали.

– Понятно... Вот что, Гертруда, если этот человек к вам еще раз зайдет, постарайтесь запомнить все, что он вам расскажет. Слово в слово! Это важно. Вы меня хорошо поняли?

– Да, господин майор. Мне можно идти?

– Вы свободны.

Гертруда поднялась и вышла из кабинета. Когда дверь за ней закрылась, майор углубился в бумаги, лежавшие перед ним на столе.

На каждого из слушателей разведшколы Гемприх-Петергоф заводил персональное досье: подшивал в него личные наблюдения, доносы, разговоры, слухи, вообще все, что было связано с курсантом. Так что за три месяца учебы на каждого из них собиралось по внушительной папке.

Особенно толстой она была у Михаила Аверьянова. В диверсионной школе о нем говорили больше, чем о других, и вполне закономерно – он был лучшим по всем дисциплинам, а те, кто идет впереди, всегда на виду. Вот в этом и была проблема. Буквально отовсюду на него сыпались доносы. Ладно бы, они шли от слушателей разведшколы, подобная практика только приветствовалась и в чем-то была обоснована, но на него писали даже проститутки, отмечая, что попадают под влияние его мужского обаяния. Его сила воздействия на людей, включая многоопытных женщин, была просто поразительной. Такое качество встречается только у самого одаренного разведчика.

Несколько раз командование разведшколы за успешную учебу поощряло Аверьянова разовым талоном в публичный дом. Дважды каким-то невероятным образом он побывал даже

в борделе для офицеров. Судя по доносам, что писали о нем сослуживцы, ему там понравилось больше всего.

Солдату, незаконно пробравшемуся в сержантский бордель, обычно давали десять суток ареста. Случалось, что его прямоком отправляли в концлагерь. Что же в таком случае полагается Михаилу Аверьянову? Следует напрямую спросить у него самого, какое же наказание он для себя выбирает?

Майор окликнул дневального и велел, чтобы тот привел к нему Филина.

Было шесть с половиной утра, когда дневальный растолкал Аверьянова:

– Поднимайся, тебя ждут в штабе.

На душе сразу сделалось тревожно.

Михаил поднялся. В казарме было прохладно: через приоткрытые форточки задувал ветер. Следовало бы их захлопнуть да сохранить тепло, но майор велел оставлять их всегда открытыми. Приходилось терпеть и с головой укрываться тонким байковым одеялом. Двое курсантов, нарушившие запрет и укрывшиеся шинелями, тотчас были отправлены в штрафной лагерь за нарушение дисциплины.

Старательно умывшись, Михаил убрал с лица последние следы недавнего сна и направился в штаб. Под ногами хрустел едва выпавший снег, и свет уличных фонарей, падающий на сугробы, весело искрился.

В штабе было столь же прохладно. По всей видимости, майор Гемприх-Петергоф любил холод. Подошедший дневальный велел немного подождать, но ожидание затянулось на целый час, и Михаил успел изрядно продрогнуть. А когда в приемной над головой часы с кукушкой пробили восемь утра, дверь неожиданно открылась, и майор, распахнув дверь, произнес:

– Проходите.

Аверьянов поднялся со скамьи и уверенным шагом военного человека прошел в просторный кабинет.

Гемприх-Петергоф был тщательно выбрит, выглядел свежо, впрочем, как и всегда. От него пахло французским парфюмом, легкий амбре выдавал французский элитный коньяк, в крепких пальцах он держал кубинскую сигару. Майор любил все самое лучшее. Форма на его широких атлетичных плечах сидела безукоризненно, выдавая кадрового военного. Всю жизнь он занимался делом, в котором отлично разбирался и которое очень любил. Если того требовали обстоятельства, мог быть обворожительным и любезным, если нужно – хитрым, при необходимости – коварным. В нем было намешано всего понемногу, как в хорошем крепком коктейле.

– Чего же ты напрягся, Филин? Уж не думаешь ли ты, что я позвал тебя сюда, чтобы расстрелять? – Узкие обескровленные губы майора разошлись в любезной улыбке, показывая расположение.

У всякого, кто перешагивал его кабинет, он замечал или растерянность, или откровенный страх. Некоторые начинали заискивающе заглядывать ему в глаза. Как же поведет себя Аверьянов?

Вопреки ожиданию, Филин выглядел спокойным и даже нарочито безразличным.

– Не думаю, господин майор. Иначе вам незачем было меня спасать.

– Все так... Тогда зачем?

– Не могу знать, господин майор.

– Просто хотел поинтересоваться, что же в вас есть такое, за что вас так любят женщины?

– Мне это и самому интересно, господин майор, женщины – существа таинственные.

– И все-таки?

– При общении с женщинами я не делал ничего такого, чтобы они меня полюбили или хотя бы запомнили.

– Я даже не знаю, кому мне следует верить, – рассмеялся майор. – Все ваши женщины утверждают прямо противоположное. А иные говорят, что ночь, проведенную с таким мужчиной, как вы, они будут помнить всю жизнь. Среди них вы по-настоящему очень популярны.

– Даже не знаю, что и ответить, господин майор... Хотя услышать про себя такие слова от женщин... весьма лестно. Но я вас разочарую, у меня нет никакого секрета... Хотя нет, один небольшой секрет есть – во всех женщинах, с которыми я бывал хотя бы однажды, я вижу только одну девушку, которую очень люблю.

– Ее зовут Маруся? – спросил майор, пристально посмотрев на Аверьянова.

– Не удивлен, господин майор, все-таки вы – профессиональный разведчик. Именно так ее зовут.

– Секрета здесь особо нет, просто в бреду вы часто произносили ее имя... Я запомнил... А вы умеете скрывать свои чувства, для разведчика это очень важно. Вы очень хорошо подготовлены для больших дел, и я думаю, что из вас выйдет настоящий профессионал. Единственная ваша слабость – это женщины! Они вас запоминают. Вы часто ходите в публичный дом? – неожиданно спросил Гемприх-Петергоф.

– Не чаще, чем другие, господин майор.

– Не чаще, – кивнул тот. – И тем не менее каждая из них вас помнит. Знаете, что они говорят? Если он будет воевать так же горячо, как любит, то из него получится великолепный солдат Третьего рейха. Неплохо сказано, а?... Хотите, дам хороший совет, как вы можете уцелеть в этой мясорубке?

– Да, господин майор.

– Постарайтесь не выделяться среди остальных солдат. При общении с женщинами не допускайте ничего лишнего! Взяли от нее, что хотели, и немедленно уходите. Вы меня поняли?

– Так точно, господин майор!

– Кстати, женщины не только восхищаются вами, но и строчат на вас доносы. Мне приходится их читать. Занятное чтение, я вам скажу. В вас определенно что-то есть, женщины всегда очень остро чувствуют незаурядного человека.

– И что же они такого обо мне пишут?

– Пишут, как прекрасно провели с вами время, и добавляют, что не мешало бы этого русского парня отправить на виселицу. Ох, уж это женское коварство!

– Я на них не в обиде. Мне пришлось побывать в могиле... Каждая из женщин лечила мне душу, они сумели мне дать куда больше, чем я им.

– Для недавнего покойника вы себя прекрасно чувствуете и здраво рассуждаете.

– Спасибо, господин майор, просто стараюсь ни в чем себе не отказывать. Когда понимаю, что этого всего могло не быть... просыпается новая жажда жизни.

– Не каждый может похвастаться такой жаждой жизни. Иногда живые больше напоминают покойников, а у вас совершенно другая история.

– Просто у меня есть цель.

– Ваша цель – Маруся?

– Именно так! Я бы хотел увидеть любимую женщину хотя бы одним глазком, – не колеблясь, ответил Аверьянов.

– Может быть, это даже и неплохо, если вам есть куда возвращаться... А теперь давайте поговорим о деле. Мы хотели сначала отправить вас в Архангельск, но потом решили, что такими агентами, как вы, не разбрасываются, и наше командование решило поручить вам задание особой важности.

– Уж не Сталина ли убить? – невесело хмыкнул Михаил.

– Это очень хорошо, что вам не изменяет чувство юмора, – рассмеялся майор. – Но Сталина убивать не нужно. Во всяком случае, этим займутся другие... Вы вернетесь в свой родной город Вологду. Командование учитывает тот факт, что вы родом из этих мест.

– Спасибо, господин майор, – кивнул Аверьянов. – Для меня это настоящий подарок.

– Вот только не нужно меня благодарить. Вы туда поедете не для того, чтобы навестить своих родных и выпить водки с друзьями.

– Я это понимаю.

– Вот и прекрасно. Что касается документов, то волноваться вам не следует. Вы получите заключение врачебной комиссии об освобождении вас от военной обязанности. Мы вам даже не будем ничего отрезать или делать в вашем теле дополнительные дырки, у вас их и так предостаточно, вполне хватит на трех повоевавших бойцов! А тому, кто засомневается, можете смело показать свои ранения.

– Разрешите не согласиться с вами, господин майор.

– В чем именно?

– Лучше иметь на руках командировочное удостоверение. Попасть на военные объекты легче военнослужащему, чем списанному по ранению.

– Пожалуй, что вы правы. Так и сделаем.

– Можно задать вопрос?

– Задавайте.

– Кто еще будет со мной в группе?

– Вас будет четверо: Тарасюк, Лиходеев, Падышев и, естественно, вы.

Аверьянов учился с ними в одной разведывательно-диверсионной школе, правда в разных группах. Он – в группе радистов, а они – в диверсионной. Вряд ли их имена были подлинными, но вот то, что все трое были «крещеные», в этом сомневаться не приходилось. Собственно, они и не скрывали некоторые этапы из своей биографии. Лиходеев сознательно перешел на сторону немцев с окопной листовкой в кармане, служившей пропуском для добровольного перехода бойцов на сторону германских войск. После двухмесячного обучения в школе для полицаев был направлен в ягдкоманду, в которой принимал участие в карательных экспедициях. О былых делах рассказывать в школе было не принято, собственно, как и о своей прошлой жизни, лишь однажды он мимоходом обмолвился о том, что вывозил на расстрел евреев. Позже Лиходеев был отобран в диверсионно-разведывательную школу, где прошел полный курс.

История перерождения Тарасюка и Падышева была в чем-то похожа: оба оказались в окружении, один – под Киевом, другой – под Минском. Прорываясь через кольцо окружения, попали в плен. Тарасюк через неделю вместе с группой военнопленных предпринял попытку бежать из лагеря, но был пойман. Далее перед ним встал выбор: быть убитым или расстрелять бежавших с ним товарищей. Думал он недолго, через секунду четыре человека легли на землю, сраженные автоматной очередью.

Падышев, попавший в плен и отправленный в сборный лагерь для русских военнопленных, был впоследствии «разагитирован» прибывшим пропагандистом белоэмигрантом и дал согласие на сотрудничество. В качестве поощрения его назначили старостой барака, он несколько раз принимал участие в расстрелах, а далее был отправлен в диверсионно-разведывательную школу. Таких людей с перепачканными кровью руками Гемприх-Петергоф называл «крещеными». Михаил Аверьянов был не запятнан, что вполне соответствовало планам заброски. Эта была обычная практика майора – засылать диверсантов, замазанных кровью, с агентом, не участвовавшим в карательных акциях. По его словам, в группе не должно быть абсолютного доверия, и агенты должны присматривать друг за другом. В таком вынужденном союзе присутствовала какая-то своя логика.

– Операция называется – «Барин», – продолжал тем временем майор. – Знаете почему?

– Никак нет!

– Потому что Барин – это вы! Вы будете ключевой фигурой в этой операции. Скажу больше, в вашем кармане будет лежать ключ от северных ворот России.

– Для меня это очень почетно.

- Надеюсь, что это так. Вы назначаетесь командиром группы.
- Спасибо за доверие, господин майор. Когда заброска?
- Уже завтра. Чего тянуть? Тем более что имеется весьма подходящий повод: завтра у меня день рождения, и мне хотелось бы отметить его как-то по-особенному, что ли... Надеюсь, что вы мне в этом поможете. Так что, когда вы будете в тылу у русских, я буду пить за ваше счастливое возвращение. И за нашу победу!
- Я не подведу, господин майор!
- Другого ответа я от вас и не ждал. И помните, командование «Абвера» возлагает на вас большие надежды.

Глава 5. Не торопитесь меня благодарить

Январь 1942 года

Иосиф Виссарионович принял наркома НКВД Лаврентия Берия в своем кабинете на Ближней даче ровно в одиннадцать часов вечера.

– Вот что, Лаврентий, – негромко произнес Сталин, когда Поскребышев, расставив на столе чашки с чаем и поставив вазочку с печеньем, удалился. – Нам следует работать по-крупному... После Тихвинской наступательной операции сложилась благоприятная обстановка для дальнейшего продвижения, и нам следовало бы закреплять достигнутый успех. Первостепенной задачей для нас остается разомкнуть кольцо вокруг Ленинграда... К сожалению, Любленская наступательная операция развивается не так быстро, как нам бы того хотелось. Севернее и южнее озера Ильмень немцы сосредоточили значительные силы. Нужно убедить немцев, что наступление Ленинградского фронта произойдет на другом направлении. У тебя есть соображения по этому вопросу?

– Под нашим контролем близ Москвы работают три радиостанции. Через них можно провести дезинформацию, что в ближайшие несколько месяцев мы не планируем наступлений.

– Этого недостаточно... Нужно дезинформировать немцев по нескольким различным источникам, расположенным в разных областях. Желательно, чтобы таких точек было не две и не три, а двенадцать, двадцать! Вот тогда такая дезинформация заставила бы немцев задуматься. Сейчас у нас не сорок первый год, когда мы диверсантов расстреливали на месте. Сейчас сорок второй... А это уже совершенно другая ситуация. Каждого диверсанта следует брать живым и заставлять его работать на военную контрразведку. В том числе использовать его и в радиоиграх. Во время гражданской войны в Испании наши контрразведчики показали возможность таких радиоигр... Не следует стесняться брать их опыт на вооружение... Сколько на оккупированной территории создано немецких разведывательных и диверсионных центров?

– Нам известно около десяти, товарищ Сталин, но думаю, что в действительности их больше... Основные школы находятся на территории Германии, Австрии и Польши.

– А где наиболее представительные?

– На оккупированной территории наиболее представительные разведшколы с сильным преподавательским составом находятся в Борисове, Полтаве, в Пскове и в Смоленске.

– А сколько наших разведчиков работает в этих школах?

– В настоящее время около десяти. Все они работают в различных школах, в том числе и в Германии.

– Каких успехов достигли за последнее время?

– Три месяца назад мы перевербовали немецкого агента из Витебской школы, две недели назад отправили его обратно. От него через нашего связного мы уже получили сообщение, что он находится на карантине и вскоре должен отчитаться перед своим руководством о проделанной работе. У нас имеются все основания полагать, что ему удастся закрепиться на преподавательской работе. В Смоленской разведшколе с декабря работает наш человек. Но, к сожалению, он пропустил последние три радиоэфира, и мы никак не можем с ним связаться.

– Это печально... Возможно, он уже провалился.

– Мы проверяем, товарищ Сталин.

– Вот что, Лаврентий, хочу тебе сказать, что таких перевербованных агентов должно быть не несколько человек, а десятки! И через каждого должна проходить дезинформация.

– Будем работать, товарищ Сталин!

Подразделение «Абвер-1» возглавлял майор Пиккенброк, с которым у майора Гемприх-Петергофа сложились хорошие отношения. Со своими подчиненными Пиккенброк дер-

жался просто, но никогда не позволял перешагивать границу, отделяющую служебные отношения от дружеских. Он был прирожденным солдатом, вступившим добровольно в армию еще до Первой мировой войны и прошедшим ее от начала и до конца, в полной мере отведав сладость победы и нахлебавшись горечи поражений. За личное мужество он получил два Железных креста первого и второго класса.

Так что подчиненным было за что его уважать.

Именно он ходатайствовал перед адмиралом Канарисом, чтобы на место майора Родтке, не сумевшего проявить себя должным образом в качестве командира группы «Абверкоманды-104», поставили майора Гемприха.

«Абверкоманда-104», вместе с подчиненными ей группами, была создана в самом начале войны, своими умелыми и смелыми действиями в Восточной Европе заполучила добрую репутацию и в последнее время действовала при группе армий «Норд», протопав с войсками от Кенигсберга до Пскова.

Наиболее удачно действовала «Абвергруппа-112» – одно из подразделений «Абверкоманды-104», – работавшая при 18-й армии. За последние полгода было отправлено около ста пятидесяти агентов в тыл Ленинградского и Волховского фронтов, где они действовали весьма активно.

Было взорвано три железнодорожных моста, уничтожено два склада с боеприпасами, часть людей рассредоточилась вдоль железных дорог и вела наблюдение за передвижением живой силы и техники. Неохваченной территорией оставалась только Вологодчина – глубокий тыл русских, требующий более высокого уровня подготовки. И кто там будет работать, майор Гемприх-Петергоф уже знал.

Но сейчас его судьба висела на волоске, ему мог помочь только майор Пиккенброк. Причиной недовольства начальства стал трагический инцидент, случившийся во время обучения агентуры, когда он решил проверить уже подготовленную группу на благонадежность (обычно Гемприх-Петергоф производил ложную выброску на «советскую территорию»). В этот раз было то же самое, ничто не указывало на то, что может случиться роковая случайность. На месте приземления, неподалеку от Пскова, агентов уже ждали поисковые немецкие группы, переодетые в форму сотрудников НКВД. Вместо того чтобы уходить густым лесом, где вполне можно было бы затеряться и скрыться от преследования, чему немало часов было посвящено в учебной программе, парашютисты вдруг решили принять встречный бой и уничтожили значительную часть своих преследователей.

Агентам следовало отдать должное – действовали они очень искусно, заманивали преследователей в ловушку, а потом открывали кинжальный огонь. О случившемся было доложено в руководство «Абвера», оттуда пришел приказ самым тщательным образом разобраться с произошедшим, и теперь майор Гемприх-Петергоф с волнением ожидал решения командования. Самое большее, что ему грозило, – это отправка на Восточный фронт. Умирать с оружием в руках не страшно, это его солдатский долг, и он выполнит его до конца – вряд ли его предкам, воинственным баронам, воевавшим едва ли не во всех сражениях, в которых принимало участие Прусское королевство, будет за него стыдно. Пусть дадут ему взвод автоматчиков, и он покажет, чего стоит барон Гемприх-Петергоф. А нет, так он согласен воевать простым пехотинцем.

И вот сейчас майор ожидал звонка от Пиккенброка, понимая, что избежать неприятного разговора не удастся.

Руководитель органа «Абвер-1» позвонил в обед, когда Гемприх-Петергоф разрабатывал план для очередного десантирования в районе Ленинградского фронта.

– Майор Гемприх-Петергоф слушает, – произнес он в трубку, стараясь не выдавать своего волнения.

– Как вы себя чувствуете, Вильфред?

– Унывать не собираюсь, считаю, что мои агенты подготовлены весьма достойно и по своему мастерству ни в чем не уступают агентам, выпускающимся в других диверсионных школах. Мне очень жаль погибших парней, но где-то они сами виноваты, идет война, и нужно проявлять бдительность. Если руководство «Абвера» считает, что я должен разделить ответственность за убитых наших солдат, то я готов! А если принято решение отправить меня на Восточный фронт, тем более готов до конца...

– Не торопитесь, майор, – прервал Пиккенброк. – На Восточном фронте сейчас могут обойтись и без вас. Если мы решим отправить вас на передовую, то сделаем это без промедления и без всякого внутреннего содрогания. Вы просто получите приказ, соберетесь в течение часа и отбудете на линию фронта. А сейчас ваш опыт послужит совершенно для других целей. Мы обсудили ситуацию, произошедшую в вашей школе, и пришли к выводу, что ваши агенты подготовлены отлично! Я не помню случая, чтобы кто-нибудь из выпускников диверсионной школы перестрелял поисковую группу. А ведь преследователи имеют немалый боевой опыт, должным образом обучены, да еще были с собаками. Солдат, конечно, жаль... Но где-то они сами виноваты, когда бежали под пули. Неужели они думали, что в них будут стрелять холостыми патронами?.. Мы решили объявить вам благодарность за хорошую подготовку агентов.

Ожидавший всего чего угодно, но только не поощрения, Гемприх-Петергоф выдавил:

– Хайль Гитлер! Господин майор, позвольте...

– Не торопитесь меня благодарить, майор, – прервал его Пиккенброк, – я еще не все сказал. Командира группы агентуры, Столяров, кажется, его фамилия...

– Точно так, господин майор!

– Его мы отправим в штрафной лагерь. Там его должны научить хорошим манерам. А если пребывание не пойдет ему на пользу, мы его просто расстреляем. Кто-то же должен ответить за убийство немецких солдат. Надеюсь, вы не возражаете против такого решения?

– Никак нет, господин майор! – живо ответил майор Гемприх-Петергоф. Договорить он не успел, в трубке раздались прерывистые гудки.

Аккуратно положив ее на аппарат, майор усмехнулся, подумав о том, что каким-то чудом ему удалось избежать краха своей карьеры. Вряд ли вышло бы что-нибудь хорошее из его отправки на фронт. Прятаться за спиной рядовых солдат он не привык, так что на передовой его убили бы в ближайшем бою. А служа в разведке, он принесет куда больше пользы. Но Столярова, командира разведгруппы, ярко выраженного лидера, было жаль. В лагере его непременно расстреляют. Из него мог бы вырасти весьма перспективный агент, не будь он так хорош в ближнем бою. Его отличительная черта – лютость к большевикам – принесла бы немало пользы Третьему рейху.

В чем-то он тоже виноват – по правилам диверсионной работы, Столяров должен был уходить от преследования, а не ввязываться в перестрелку. Бой – это вынужденная мера, когда нет другого решения. Он забыл главное правило – выполнить задачу, поставленную командованием, и раствориться незамеченным.

Из группы преследования удалось уцелеть только шестерым, но им тоже не повезло. Час назад Пиккенброк подписал приказ о переводе их в боевые части. Так что оплошность, каковую они проявили в глубоком тылу, предстоит исправлять на передовой.

Глава 6. Поехали, голубчики!

Начало марта 1942 года

Псковский разведывательно-диверсионный лагерь размещался на окраине города в небольшом здании из красного кирпича, имевшего сравнительно небольшую историю: его строил купец первой гильдии Филимонов. Незадолго до своей кончины он подарил его городу, в котором власти разместили мужскую гимназию, а уже после семнадцатого года особняк переоборудовали под среднюю школу.

Курсанты в разведшколу поставлялись из особых предварительных лагерей для русских и зондеркоманд «Цеппелина». В обычное время здесь готовили до двухсот активистов одновременно, в этот раз их было всего лишь пятьдесят, занимавшихся по усиленной двухмесячной программе, где особый нажим делался на предметы разведки и подрывного дела. Особое значение придавали разведке в советском тылу и специальному оружию. За две недели до окончания учебы курсантов разделили на две группы и стали готовить по специальной программе, где упор делался на точную привязку к местности в зоне предстоящего десантирования.

Аверьянов Михаил попал в небольшую группу из четырех человек, в задачу которой входило десантироваться близ небольшого города Бабаево в Вологодской области. Затем перебраться в Вологду и отыскать жилье близ железнодорожных путей, откуда можно было бы отслеживать передвижение воинских эшелонов и различных грузов. Следующая задача состояла в том, чтобы установить нахождение армейских складов и баз, выявлять местоположение аэродромов, а также типы и количество самолетов, дислоцированных на них.

Руководителем группы был назначен кадровый офицер «Абвера» Голощекин.

Обер-лейтенанту Филиппу Голощекину довелось воевать еще в Гражданскую: сначала в армии Деникина, а позже под командованием барона Врангеля. Когда «белое дело» было проиграно окончательно, то вместе с остатками русской армии он перебрался в Германию. Немного позже окончил высшие курсы Академии генерального штаба Рейхсвера, откуда впоследствии перешел в «Абвер». Так что у обер-лейтенанта был весьма солидный послужной список и множество удачных операций, проведенных против большевиков на территории Советского Союза. Со стороны немцев он пользовался заслуженным авторитетом, они считали его удачным приобретением в борьбе с большевиками. Среди преподавателей школы циркулировал упорный слух, что обер-лейтенант пользуется благосклонностью самого адмирала Канариса, и тот намерен в ближайшие месяцы поставить его во главе Псковской разведывательно-диверсионной школы.

Перед самой отправкой за линию фронта Голощекин еще раз собрал свою небольшую группу для окончательного инструктажа.

По правую сторону от него сидел Аверьянов в форме старшего сержанта, оперативный псевдоним «Филин», напротив – Тарасюк, оперативный псевдоним «Ворон», с погонями сержанта, слева устроились Лиходеев – в школе он обучался под фамилией Синица – и Падышев, с псевдонимом «Галка», оба рядовые. Так что набиралась целая птичья стая.

Собравшиеся терпеливо ждали, когда Голощекин заговорит. Однако тот не торопился, продолжал всматриваться в их напряженные лица, как если бы хотел узнать, о чем они думают в эту минуту.

Последние полгода обер-лейтенанта преследовали откровенные неудачи. Из шести групп, отправленных за линию фронта, в эфир вышли лишь две, с опозданием на целую неделю. У командования были весьма серьезные опасения полагать, что заброшенные группы работают под контролем «СМЕРШа». Остальные четыре группы или просто разбежались, как это нередко случается с русскими, или были арестованы советской контрразведкой.

Это был серьезный провал, и Голощекин рассчитывал исправить пошатнувшееся доверие хорошо подготовленным отрядом.

– Еще раз напоминаю, старший в вашей группе – Филин. – Он посмотрел на Аверьянова и добавил: – С него и будет весь спрос... Итак, вы десантируетесь в районе Бабаева. Закапываете парашюты, прячете рацию и идете к железнодорожной станции. Толпой ходить не нужно! Следует разбиться на две группы. Время военное, и большая группа может вызвать подозрение. Встречаетесь на почте со связником, а затем он вам помогает на первое время устроиться в Вологде. Вам там следует осмотреться и подыскать себе частную квартиру или дом где-нибудь на окраине. Предложений сейчас предостаточно, город за последний год вымер едва ли не наполовину. Но в этом вопросе следует проявить осторожность и предусмотрительность, помните, за вами, вольно или невольно, наблюдают десятки глаз. Вы должны вести себя естественно и непринужденно и выглядеть так же, как и остальные фронтовики. Во время проверок держитесь наработанной легенды – командировочные, приехали в Вологду, чтобы получить обмундирование и фураж для своей части. Ваши документы и командировочные предписания подозрения не вызовут, они подлинные! Так что Бог вам в помощь и... удачи! Потому что без нее тоже никак нельзя. А теперь отдохните немного, приведите все свои дела в порядок, для этого у вас есть полтора часа. Собираемся здесь пятнадцать минут второго и выходим!

Агенты дружно поднялись и зашагали к двери. Тарасюк слегка попридержал Аверьянова, выходявшего предпоследним, за плечо, и, стиснув зубы, прошипел:

– Мы с тобой еще недоговорили...

– Как-нибудь в следующий раз, – дернул плечом Михаил, заставив Тарасюка расцепить пальцы.

Стрелка часов, висевших на стене учебного класса, дрогнула и застыла на полвторого ночи. Голощекин опаздывал на пятнадцать минут, прежде подобной небрежности за ним не наблюдалось. Может, пошло что-то не так?

Город спал глубоко и тихо, как это бывает только в стылую зимнюю пору. Окутанный в белые толстые снежные покрывала на берегу реки Великой дремал Псковский кром. Толстые серые стены кремля едва просматривались в темноте и выглядели мрачными. Дул пронизывающий северный ветер, мороз хватал за горло, заставлял укутываться поплотнее, не давал дышать.

В казармах похрапывали. Только у тумбочки с унылым видом простаивал дневальный.

Аверьянов, стараясь не показывать своего гнетущего настроения, выкуривал уже вторую папиросу – естественная реакция на предстоящую командировку. Спокоен был только кареглазый башкир Падышев, напевавший что-то свое себе под нос.

Дверь вдруг широко распахнулась, и в комнату в застегнутой наглухо шинели вошел обер-лейтенант Голощекин.

– Выходим! Машина во дворе.

Волнение разом куда-то улетучилось. На душе как-то сразу полегчало. Наступила пора действовать. Похватав вещмешки и сумки с парашютами, все заторопились к выходу.

Во дворе стоял грузовик с крытым кузовом. Свет от включенных фар падал на дорогу и выпячивал скользкие неровности. У распахнутой двери, втянув голову в плечи, топтался водитель – лютая стужа пробрала и его.

– Сюда! – крикнул он вышедшим агентам.

Покидав парашюты и вещмешки в глубину кузова, диверсанты торопливо забрались по металлической шатающейся лестнице вовнутрь. Чуть помедлив и перекрестившись на куполок церквушки, озоровато проглядывающей между двумя старинными зданиями, обер-лейтенант Голощекин устроился рядом с водительским местом и махнул рукой:

– С Богом!

Спасаясь от ветра с колючим снегом, водитель вскочил проворно в кабину и надавил на газ. Машина, громко заурчав, стала набирать обороты, потревожив установившуюся тишину рокотом двигателя. Осторожно, нащупывая в темноте дорогу светом фар, грузовик, едва не задев каменную кладку, протиснулся через узкий проем ворот и выехал со двора. Часовой, дежуривший снаружи, привычно вскинул ладонь к виску и проводил отъезжающий автомобиль долгим взглядом.

Грузовик лихо мчался по безлюдной улице, в свете фар ураганом проносился потревоженный снег, напоминая о зиме, пока еще не собиравшейся сдавать свои позиции. Город словно вымер, темные окна напоминали амбразуры. Лишь патрули, неподкупные хранители комендантского часа, иной раз встречались на пути, провожая подозрительными взглядами проезжающую машину.

У Поганкиных палат грузовик вынужден был остановиться – на дорогу, оглушительно тарахтя, выехал мотоцикл с коляской, и дюжий фельдфебель, сидевший за рулем, нетерпеливо махнул рукой, требуя подчинения. Голощекин не торопился покидать кабину, терпеливо дожидаясь, когда фельдфебель сойдет с мотоцикла и приблизится.

– Фельдфебель Штольц, военная комендатура, – представился мотоциклист.

Зимняя шинель на нем была застегнута до самого горла на все пуговицы. Теплый шерстяной шарф, нарушая устав, был замотан вокруг горла.

Вытащив из кармана удостоверение, обер-лейтенант произнес:

– Военная контрразведка.

Внимательно прочитав документ, фельдфебель отступил в сторону:

– Счастливой дороги, господин обер-лейтенант!

– Это как раз то, что нам сегодня необходимо, – ответил Голощекин и, повернувшись к водителю, добавил: – Поехали!

Машина, подмяв широкими колесами свежевыпавший снег, свернула в переулок и, шупая впереди себя ближним светом заснеженное пространство, заколеса на аэродром.

Уже на выезде из города путь автомобилю преградил шлагбаум, у которого, зябко поеживаясь, несли вахту два солдата вермахта. Один из них, высокий, с карабином за плечами, был дежурным КПП, одет в трофейный полушубок, на голове подшлемник с каской, на другом была шерстяная шинель большого размера, из-под ворота выглядывала синяя вязаная куртка, на голове платок-капюшон, выполнявший роль подшлемника, на ногах зимние сапоги из войлока и на деревянной подошве, прошитые для крепости кожей.

Дежурный махнул ладонью, спрятанной в толстую вязаную перчатку, призывая грузовик остановиться. Водитель нажал на тормоз. Машину слегка занесло на льду, припорошенном легким снегом. Заехав правым колесом в небольшой сугроб, грузовик встал.

Солдат, выглядевший несуразным в неуклюжих громоздких зимних сапогах, неспешно зашагал к грузовику, втапывая широкими буковыми подошвами снег.

– Дежурный контрольно-пропускного пункта капрал Штейнмаркт, – представился он. – У вас имеется разрешение на выезд, господин обер-лейтенант?

– Разумеется. – Приоткрыв дверь, Голощекин показал пропуск на право проезда по всем военно-автомобильным дорогам без предъявления документов для проверки.

Капрал козырнул и отошел в сторону, давая машине возможность следовать дальше. В его размеренных движениях не было ни намека на чинопочитание, «тяжелыми» погонами его тоже не удивишь, за время службы он насмотрелся на всякие. Судя по строгим глазам, немало повидавшим, и по полушубку, что был на его плечах, капрал совсем недавно вернулся с Восточного фронта. Не иначе, как пребывал на переформировании.

– Будьте осторожны, господин обер-лейтенант, далее трасса обледенела. Полчаса назад случились две аварии, – предупредил он на прощание.

Дорога и вправду оказалась скользкой. Проявляя осторожность, водитель медленно катил по узкой дороге, зажатой с обеих сторон высокими снежными сугробами.

Минут через сорок въехали на территорию аэродрома. Казалось, что он тоже задремал в полуночный час. Белый, тихий, запорошенный, ничто в нем не выдавало признаков жизни. В действительности же это было не так – на взлетном поле, дожидаясь своей очереди, стояли укрытые снегом самолеты. По краям взлетного поля тускло горели лампы, указывая направление тем, что готовились к полету.

Голощекин выпрыгнул из кабины. Ветер остервенело ударил в лицо, и он невольно укрылся рукавом.

– Ох, какая холодина!

Похрустывая тяжелыми подошвами сапог, обошел машину и постучал по дощатому борту:

– Вы там живы?

– Живы, – услышался в ответ бодрый голос Тарасюка.

Голощекин открыл дверцу кузова и проворно взобрался внутрь.

– Где тут включатель? – произнес он, шаря ладонью по струганым доскам. – Ага, кажется нашел! – и с громким щелчком повернул тумблер.

Вспыхнувший в кузове свет выдал напряжение, застывшее на лицах парашютистов. Вытащив из полевой сумки карту, обер-лейтенант присел на свободное место, разложил ее на коленях и заговорил ровным голосом, чтобы вселить в диверсантов большую уверенность.

– Вам лететь около двух часов. Вот здесь, – прочертил он пальцем, – у деревень Бережки и Пригожее проходит линия фронта. Переживать вам не стоит... Самолет на этом отрезке набирает предельную высоту, так что достать его не сумеет ни одна зенитка. Дальше он полетит в сторону Нижнего Новгорода, а потом на север в Вологодскую область. Летчик вас сбросит вот в этом районе, рядом с деревней Озерное, это близ Бабаево. Довольно залесенная местность, – очертил он карандашом небольшой круг на карте. – Пустынная. Вы хорошо подготовлены, рассчитываю, что ваша работа будет успешной. Не хочется говорить пафосных речей, но все, что вы сейчас делаете, это во славу великого будущего России и ее освобождения от большевизма. Так что помните об этом. – Аккуратно сложив карту вчетверо, Голощекин уложил ее на место, затем достал небольшую бутылку коньяка и произнес: – Французский. На прошлой неделе был в Париже, вот, решил приобрести к случаю... Давайте выпьем за удачу, она нужна нам всем. – Сделав три больших глотка, он протянул бутылку сидевшему рядом Аверьянову.

– За удачу! – отозвался Михаил и дважды отхлебнул.

Сделав круг, наполовину опустошенная бутылка вернулась к Голощекину.

– То, что осталось, мы с вами допьем после вашего возвращения, – произнес обер-лейтенант, затыкая бутылку пробкой. – А сейчас нам нужно торопиться.

«Хейнкель-111», немецкий средний бомбардировщик, нередко используемый для перевозки парашютистов, стоял на краю поля. Подле него, явно нервничая, топтался коренастый механик и поглядывал на часы. Группа парашютистов опаздывала на восемь минут. Не хотелось бы вылетать слишком поздно, ведь отправляться предстояло без сопровождения (десантирование не любит шума), а в последние месяцы русская авиация весьма активизировалась, и существовала вероятность натолкнуться на истребительную эскадрилью русских.

Сам по себе самолет не был «беззубым» – учитывая опыт на Западном фронте, с недавних пор кабина хвостового стрелка была полностью закрыта. Были усилены оборонительное вооружение и бронезащита. Так что под присмотром авиационной пушки и двух крупнокалиберных пулеметов летчики должны чувствовать себя достаточно защищенными.

Увидев подходящую группу, механик сделал шаг навстречу.

– Принимайте группу, – сказал Голощекин.

– Слушаюсь, господин обер-лейтенант! – живо отозвался механик и спустил трап под ноги подошедших парашютистов. – Прошу!

Первым вошел в самолет Тарасюк. Чуть помедлил у самого входа, но уже в следующий миг был проглочен темнотой. Следом за ним взобрались и остальные. Последним шел Аверьянов, чувствуя ступнями амортизирующую жесть. Обернувшись на последней ступени, Михаил увидел, как на посадку, включив огни, пошел двухмоторный бомбардировщик «Юнкерс-88». Как только он вырулит за пределы взлетного поля, наступит их черед.

Голощекин, изрядно продрогший, стоял на краю взлетного поля. Аверьянов махнул ему, и, когда обер-лейтенант слегка кивнул в ответ, уверенно шагнул в холодную и темную утробу бомбардировщика. Механик с громким стуком хлопнул дверцей и, повернув вороток, загерметизировал салон.

Запустился левый двигатель, – громко, надрывно, старательно прогревая остывшее масло, а за ним уже ровнее, утробнее и заметно тише заработал второй. Еще через несколько минут машина покатила по взлетному полю, набирая разбег. Завибрировал, заколотился на неровностях фюзеляж, затем шасси оторвались от земли, и самолет, горделиво задрав нос, стал набирать высоту, держа курс на восток.

Прильнув лицом к иллюминатору, Аверьянов увидел удаляющийся затемненный аэродром, узкую полосу взлетного поля... Через полчаса механик объявил, надрывая горло:

– Забрались на самый потолок, девять тысяч метров! Здесь нас ни одна артиллерия не достанет!

Тарасюк сидел напротив и поглядывал в иллюминатор – пролетали фронт, где-то в самом низу, на мгновение освещая заснеженный лес, разрывались снаряды. Шел бой местного значения за какую-то безымянную сопку, сплошь распаханную разрывами. Лишь автоматические зенитные пушки, блеснувшие несколько раз огнями, запоздало заколотили вслед ночному бомбардировщику. Незаметно миновали Нижний Новгород, встретивший редкими разрывами снарядов. А затем вновь наступила тишина.

Два стрелка, заняв место в хвостовой части самолета, ревностно защищали заднюю полусферу, тревожно всматривались в ночной мрак. Один из них, молодой парень с нашивками капрала, заботливо поглаживал зубчатый барабан. Другой выглядел постарше, держался увереннее, несмотря на стылость в салоне, одет он был в одну гимнастерку, лишь тощее горло было обвязано длинным шерстяным шарфом.

Подле кабины сидел лейтенант Зигмунд, отвечавший в разведшколе за физическую подготовку, и о чем-то разговаривал с механиком. Тот озадаченно кивал, отвечал односложно, но лейтенант не замечал его угрюмого настроения и озадачивал новыми вопросами.

Неожиданно над дверью вспыхнула синяя лампа, и дважды протяжно прозвенел зуммер, подавая команду к готовности. Механик охотно покинул словоохотливого соседа и шагнул к двери:

– Через пять минут будьте готовы, самолет выходит к месту десантирования.

«Хейнкель» пошел на снижение. Внизу темным неровным пятном предстал хвойный лес, через который полосой пролегла автомобильная трасса. Немного в стороне располагался железнодорожный узел, подсвеченный мощными фарами прибывающего бронепоезда. Вдруг из дымовой трубы бронепоезда высоко в небо ударил сноп рассыпающихся искр, осветив растянувшуюся бронированную ленту вместе с торчавшими по обе стороны артиллерийскими орудиями.

Вновь прозвенел протяжный сигнал, отдавая приказ на десантирование, а лампа, ослепляя синим светом, быстро замигала.

Механик, приложив усилие, повернул замок и открыл дверь, впуская в салон вместе со снегом стылый колючий мартовский ветер. Запурживший снег разбился о борта самолета, остался мокрыми пятнами на горячих лицах подошедших к проему десантников.

Самолет, выбрав площадку для десантирования, полетел на второй круг.
– Первый пошел!

Тарасюк приблизился к двери, не без робости глянул вниз, а потом сиганул в черную бездну. Следующими прыгнули Лиходеев и Падышев. Где-то далеко внизу искоркой вспыхнул огонек, и Аверьянов, выждав долгожданную паузу, оттолкнулся от самого края и прыгнул прямо на этот не близкий огонек. В ушах засвистел холодный ветер, поток стремительного воздуха разодрал щеки, осатанело рвал одежду, где-то под звездами слышался рев удаляющегося самолета.

Ухватившись за кольцо, Михаил рванул его в сторону. Над головой раздался громкий хлопок раскрывшегося парашюта, в какой-то момент ему показалось, что он неподвижно завис в воздухе, но потом почувствовал, как парашют потащило в сторону деревьев, оцетинившихся на него голыми ветками-пиками.

Потянув за стропы, выровнял падение, выбрав для посадки небольшое поле с кустарником, разросшимся по периметру, и, подтянув ноги, приземлился на наезженную дорогу, припорошенную недавно выпавшим снегом. Опустив стропы, сложил парашют и, уложив его под дерево, быстро закопал в снегу. Парашют могут отыскать только весной, вместе с первым талым снегом.

Где-то неподалеку должны десантироваться и остальные. Вытащив из кармана фонарик, Аверьянов внимательно осмотрелся и, не обнаружив ничего подозрительного, короткими вспышками просигналил в темноту густого леса. Немного подождал, но никто не отозвался. Просигналил еще раз в другую сторону. Неожиданно за спиной послышалось осторожное похрустывание снега. Резко обернувшись, он увидел Тарасюка с занесенным ножом. Метнулся в сторону и почувствовал, как заточенное лезвие распорол бушлат. Тарасюк, вложивший в удар всю силу, пошатнулся и, стараясь сохранить равновесие, нелепо взмахнул руками. Мгновение было выиграно, вполне достаточное, чтобы ухватить его за плечи и коленом ударить в живот. Аверьянов почувствовал, что пробил тяжелый бушлат и угодил, куда нужно. Тарасюк согнулся, нелепо хватал губами холодный воздух и никак не мог надышаться.

– Поговорить, значит, хотел. Не получится у нас с тобой душевной беседы, тварь фашистская! – Вытащив из-за голенища нож, Михаил всадил его в бок Тарасюку. Тот тяжело охнул, а потом неуклюже повалился на бок. – Подыхай! Немного тебе осталось!

Черпанув ладонью снег, он вытер перепачканное лезвие и аккуратно сунул его за голенище. Увидел, как в глубине леса, сначала с одной стороны, а потом с другой, трижды просигналили фонариком. Отступив на достаточное расстояние от лежащего Тарасюка, Михаил ответил тем же сигналом и заторопился навстречу.

Сошлись на перекрестке двух проселочных дорог, в летнее время узкой артерией соединявших два населенных пункта, а зимой – подзабытые, едва проглядывающие чернотой на наезженных местах.

– Где Тарасюк? – спросил Лиходеев. – Мы тут его обыскались.

– Не знаю, – ответил Аверьянов, не отводя взгляда. – Он ведь первый прыгнул, может, отнесло куда-то далеко в сторону.

– Может, и так, – невесело согласился Падышев. – А может, просто решил уйти.

– Как уйти? – удивился Лиходеев.

– А чего ты удивляешься, он ведь родом из этих мест.

– А ты откуда знаешь?

– Сам мне как-то об этом проговорился. Сейчас, наверное, находится уже на полдороге к своей бабе.

– Все может быть, – согласился Михаил, – а только нечего нам здесь топтаться. Может, нас кто-то уже заметил. Уходить надо! Спрячем рацию где-нибудь в лесу и потопаем в сторону железнодорожной станции, а там решим, что нам дальше делать.

– Идем, – кивнул Падышев. – Даже если Тарасюк пошел к своей бабе, не думаю, что он нас заложит, это ему самому боком выйдет. Большевики злопамятные, грешков у него немало накопилось, так что осина по нему уже где-то плачет.

Дорога была безлюдной. Только вдалеке тускло горело несколько окон двухэтажного здания. Сливаясь, они напоминали далекий маяк – это и была деревня Озерное.

Мороз крепчал, заставляя идти быстрее.

– Ищите подходящее место, – завертел головой Аверьянов, – так, чтобы можно было легко найти.

– Вот там сосна поломанная, – показал Падышев. – Приметная... Ее со всех сторон будет хорошо видно.

– Годится. Это сколько же от поворота будет?

– Метров сто.

Дотопали до сосны. Дерево было высокое, с прогнившей сердцевинной, кора побита черным мхом, дупло широкое, темное, будто пустые глазницы.

– Приметное место, давай, роем!

– Земля промерзлая, тяжело будет, – высказался Лиходеев, доставая рацию.

– Ничего, как-нибудь справимся.

Двумя саперными лопатами раскидали по сторонам снег и вгрызлись в промерзший грунт. Заточенное железо, гулко содрокаясь, лишь только корябило и царапало обледеневшую поверхность.

– Капитально промерзло, – сокрушался Лиходеев. – Мы тут до утра провозимся.

– Не провозимся, – отер выступивший на лбу пот Аверьянов. – Нам только первый слой снять, а дальше легче пойдет.

Стылая земля крепко оберегала свои закрома, не пуская грубое железо в простуженное нутро. Уже покарябанная, малость поцарапанная, лишенная первого покрова земля переставала сопротивляться и впустила в глинистую оттаявшую супесь сначала на штык лопаты, потом еще на один.

Когда яма была выкопана, на самое дно уложили густой царапающий лапник и осторожно положили на него рацию.

– Запарился я, – распрямился Лиходеев, настороженно поглядывая по сторонам. – Даже не верится, что еще несколько часов назад были в Пскове, а вот теперь здесь... На родной земле.

– Нет для тебя более родной земли, – строго возразил Падышев. – Если поймут, разбираться не станут, сразу к стенке поставят! Так что будем делать, что приказано, тогда есть шанс уцелеть. Долго еще?

Аверьянов, аккуратно обложив лапником ящик, стал засыпать его землей.

– Подожди... Еще немного.

Примяли ногами холмик и воткнули в него толстую суковатую палку, помечая место.

– Все, готово!

Далее закидали бугорок снегом, так что торчавшая из земли палка была засыпана наполовину. На месте, где хранилась рация, образовался сугроб, мало чем отличавшийся от тех, что, притулившись к соснам, расположились по соседству.

Вокруг было натоптано. Снег, местами почерневший, смешался с землей, но вряд ли следы останутся до рассвета – запорошит усиливающийся ветер.

– Все, пойдем, – закинул Михаил за плечи вещмешок, – нам еще по этому морозу часа полтора топать. Отсидимся пару дней, пока все не утихнет, а там выйдем на связь.

Глава 7. Это могут быть диверсанты

Начало марта 1942 года

После того как год назад Ганелина, бывшего начальника управления НКВД Вологодской области, перевели в Челябинск, Лев Федорович Волостнов, будучи его первым заместителем, занял освободившееся место. Работы с тех пор значительно прибавилось. Неудивительно, что приходилось задерживаться до самого утра. Мелочей на такой должности не существовало, полагалось быть в курсе всего, даже того, что, казалось бы, лежало далеко за рамками его обязанностей.

В последнее время вражеская авиация усилила налеты на важные промышленные и оборонные предприятия, и надо было принять срочные меры по их маскировке. Через Вологду проходил важнейший железнодорожный путь, снабжавший Ленинградский фронт продовольствием и оружием, и следовало усилить его охрану. Особенно важны были мосты, имеющие стратегическое значение. Четырежды предпринимались попытки их подрыва группами диверсантов: в первом случае их взяли на полпути к мосту через Сухону, а в остальных – обезвредили сразу после приземления, хотелось, конечно, взять живыми, но сопротивление было яростным.

Полтора месяца назад группа лазутчиков попыталась взорвать эшелон с военной техникой близ Бабаево, и только бдительность охраны позволила избежать катастрофы. Диверсантов взяли на железнодорожной станции в тот самый момент, когда они подкладывали фугасный снаряд под боевую машину «БМ-13». Так что для предотвращения подобных случаев требовалось также усилить охрану сопровождения наиболее важных эшелонов.

Майор Волостнов постоянно держал связь с начальником транспортного отдела, вот только людей катастрофически не хватало. Нужно было как-то исхитриться и выделить, по крайней мере, роту на охрану поездов по Вологодской области.

Еще через Вологодскую область проходило конвоирование осужденных и пленных в глубь территории Российской Федерации. Этапирование проходило в необорудованных вагонах, поэтому нередко были случаи побега. «Побегушников» также следовало отлавливать, чтобы привлечь к ответственности, а это, в свою очередь, увеличивало и без того непосильную нагрузку на весь личный состав.

Неделю назад во время конвоирования осужденных пешим порядком на колонну был совершен авианалет. Большая часть конвойных погибла под бомбежками, а группе из ста человек удалось бежать. Ситуацию осложнял тот факт, что многие из заключенных имели боевой опыт, могли сбиться в вооруженные банды и разъехаться по всему Советскому Союзу, где отлавливать их станет куда труднее. Опасения подтвердились через три дня: был совершен налет на вагон, перевозивший крупную сумму денег. Нападавшим удалось сбить замки на опломбированном вагоне и вынести три мешка с деньгами. Причем трое конвойных были убиты. Как показали свидетели, действовали нападавшие очень грамотно, отличались дерзостью, слаженностью, умело обращались с оружием, налет проходил по всем правилам военного искусства, с умелым командованием, знавшим, что такое военная дисциплина. Не исключено, что на стороне преступников был офицер, имевший серьезный боевой опыт.

Майору Волостнову вскоре стало известно, что в городе объявились трое из сбежавших – связывались с местным криминалитетом, чтобы те помогли им приобрести фальшивые документы. Так что их поимка была вопросом ближайших часов. А там можно будет выйти и на остальных.

Третье марта выдалось необычайно теплым. Солнце палило так, словно намеревалось растопить весь выпавший за зиму снег. К вечеру резко похолодало, и мороз приодел подтаявшие сугробы в ледяную броню.

Волостнов подошел к окну и приоткрыл форточку. Ветер тотчас выдул застоявшийся запах дыма и принес с собой холод, от которого хотелось невольно поежиться.

Сегодня был день рождения жены, и Лев Федорович уже приготовил подарок – жемчужные сережки с золотым колечком. Он собирался прийти домой немного пораньше, но не получилось. Стрелки часов показывали десять минут второго, но Волостнов был уверен, что Людмила не заснет до тех пор, пока он не явится. У них останется часа четыре, чтобы побыть вдвоем и отметить праздник.

Лев Федорович сложил документы в одну стопку, тщательно ее выровнял и уложил в нескраемый шкаф, занимавший едва ли не весь правый угол комнаты. На самую верхнюю полку, в качестве укора, он положил папку с делом об ограблении вдовы летчика Героя Советского Союза Никифорова, пропавшего без вести в августе сорок второго. Вместе с ценными бумагами и деньгами пропали и его награды, которыми мог воспользоваться враг. Отыскать этого негодяя было делом чести.

Прикрыв дверцу сейфа, майор провернул ключ на два оборота. Теперь все, можно считать рабочий день законченным. Надев шинель, он бодро зашагал к двери. Уже закрывая кабинет, услышал, как зазвонил телефон. Пришлось вернуться обратно.

– Майор Волостнов у аппарата, – подняв трубку, бодрым и громким голосом отозвался Лев Федорович.

– Товарищ майор государственной безопасности, это начальник железнодорожной станции Бабаево говорит, Зорькин Яков Петрович.

– Слушаю, что там у вас, – невольно напрягся Волостнов.

Внутри невольно похолодело: неужели что-то стряслось на стратегическом объекте? Нужно усилить охрану мостов, железнодорожных станций опытными людьми. Но где их взять, сейчас они все на фронте. Охраной объектов занимаются вчерашние мальчишки, едва научившиеся держать оружие. Следует привлекать на службу НКВД солдат и офицеров запаса, уже поучаствовавших в боевых действиях.

– Мне тут путевые обходчики сообщили... Они видели близ деревни Озерное, недалеко от Бабаево, четырех десантировавшихся парашютистов. Это могут быть какие-то учения, а могут быть и диверсанты...

– Правильно сделал, что проявил бдительность, Яков Петрович. Никаких учений не планировалось. Примем меры!

Волостнов положил трубку, понимая, что остаток ночи ему более не принадлежит. Людмила поймет, не в первый раз... Сняв шинель, перекинул ее через спинку стула. Затем вызвал дежурного, рябого коренастого старшину лет тридцати, и распорядился:

– Срочно вызвать ко мне всех руководителей подразделений!

Еще через несколько минут в кабинете начальника управления НКВД по Вологодской области на рядком стоявших вдоль стены стульях расположились офицеры и в ожидании смотрели на Волостнова, полагая, что услышат нечто важное. Не всякий вечер начальник управления собирал во втором часу ночи сразу всех начальников отделов.

– Несколько минут назад мне сообщили, что близ деревни Озерной были сброшены четыре парашютиста. Не мне вам говорить, что может натворить один диверсант в глубоком тылу, а тут – целых четыре! – заговорил майор, прохаживаясь по кабинету.

Лев Федорович был высокого роста, широкой кости, с небольшой сутулостью. Ходил грузно, словно ощущал на своих плечах немалый груз ответственности. Так и в этот раз – он тяжеловатой походкой приблизился к окну, глянул в темень, а потом вдруг неожиданно развернулся и посмотрел на капитана Елисеева:

– Владимир Семенович, истребительные батальоны в вашем подчинении?

– Так точно, товарищ майор, – поднялся русоволосый капитан.

– После заседания немедленно свяжитесь с командирами истребительных батальонов, и пусть весь личный состав выезжает в деревню Озерное. Среди них немало людей, прошедших финскую, их опыт будет очень полезен. – Волостнов подошел к карте, висевшей на стене. – Не думаю, что в такую ночь, да еще по такому морозу диверсанты могли уйти далеко... Ваша задача перекрыть все дороги, – провел он заточенным карандашом по карте, – прочесать все соседние деревни: Раздольное, Луговое, Рудное. Диверсанты вполне могут скрываться там. Не исключая, что кто-нибудь из местных мог видеть поблизости незнакомых людей, надо зайти в каждый дом и расспросить их.

– Есть! – бодро отозвался капитан.

– Твоя задача, старший лейтенант, – обратился майор к невысокому, но крепко сбитому двадцатипятилетнему парню, – связаться с пограничниками, пусть они вышлют поисковые группы в район железной дороги, прочешут тщательно по всем направлениям. А ты, Метелин, – глянул Лев Федорович на средних лет капитана, сидевшего в самом углу кабинета, – свяжешься с ротой охраны железнодорожных сооружений. Сейчас они размещаются в Бабаево. Скажешь, чтобы срочно проверили все стратегически важные объекты. Пусть повсюду усилят охрану, проверят все поезда, все здания, все подвалы в самом Бабаево и в окрестности, не исключено, что диверсанты добрались уже и до него и где-то там затаились. Может, находятся у кого-то из жителей на постое, а потому нужно поспрашивать у местного населения о посторонних. Не пренебрегайте даже самыми незначительными сведениями, нужно будет проверить всех! Я сейчас тоже выезжаю на место, посмотрю все своими глазами... О выполнении задания мне немедленно доложить. Все, за работу!

Офицеры дружно поднялись, шаркнув стульями, и вышли из кабинета. Оставшись в одиночестве, Волостнов поднял телефонную трубку: надо было позвонить жене, сообщить, чтобы не ждала. Наверняка уже не единожды подогрела его любимый борщ. Но в следующую секунду он передумал и положил трубку на место. Не сейчас... Для разговора просто нет времени. Лучше все объяснить при встрече. Жена – умница, она поймет даже без долгих объяснений.

Подхватив со стула шинель, Лев Федорович быстро оделся, застегнулся на все пуговицы и вышел из кабинета.

– Двигатель разогрел? – спросил он у водителя, шагнувшего навстречу. – А то еще не заведем в такой мороз.

– Все в порядке, товарищ майор, – бодро отозвался худенький сержант, – можно ехать. Вы домой?

– Не надейся, – усмехнулся Волостнов. – Едем сейчас на Озерное. Там нас уже ждут. – И грузной походкой, разительно отличавшей его от всех остальных, зашагал по коридору в сторону выхода.

Водитель запоздало устремился следом.

Оперативники, прибывшие к предполагаемому месту десантирования первыми, успели просмотреть всю местность и обнаружили два парашюта, запрятанных в снегу. Вскоре к ним на помощь прибыл истребительный батальон – не безусые юнцы, каковыми он был укомплектован еще в начале войны, а люди, немало повидавшие, успевшие повоевать. Большая часть из них не могла быть призвана на фронт в силу возраста, а то и по ранению, что не мешало им вполне успешно справлять свою службу в батальоне. От обычных юнцов их отличали наблюдательность и смекаливость, что свойственно людям с жизненным опытом. К тому же большинство из них были охотниками и неплохо знали местность.

Без подсказки уполномоченного, разделившись на группы, принялись прочесывать район. Заходили далеко в лес, вязли в огромных сугробах, прекрасно знали расположение охотничьих землянок, где могли затаиться диверсанты. Однако все безрезультатно, никаких следов лазутчиков, а усиливающаяся пурга занесла то небольшое, что должно было остаться после их

приземления. Остальные парашюты тоже не нашли – немудрено, сугробы намело такие, что в них можно было спрятать не только несколько метров белой ткани, но даже жилой дом.

Отдельный полк НКВД, поднятый по тревоге, взяв по периметру район десантирования, также ничего не выявил. Были задержаны несколько подозрительных человек, но после проверки выяснилось, что все они из местных – двое работали машинистами и возвращались со смены, еще четверо были укладчиками железнодорожных путей, вызванными в срочном порядке на четырехсотый километр; седьмым оказался восемнадцатилетний парень, который миловался с любимой до самой зорьки. Тому была особая причина – уже через четыре часа он отбывал в военкомат по месту приписки, а уже оттуда – на Ленинградский фронт. Так что чинить парню препятствий никто не стал, отпустили с миром, пожелав, чтобы остался в живых.

Прибыв в Бабаево, Лев Федорович связался по телефону с управлением полка по охране железнодорожных сооружений. Однако ни на вокзалах, ни на путях, ни на станциях не было выявлено никого подозрительного. Рабочий день на стратегически важных объектах протекал в штатном режиме, ничего такого, что могло бы выбиться из привычного графика, – с фронта на переформирование шли потрепанные боевые полки, а на фронт двигались маршевые подразделения, едва успевшие пройти краткосрочные курсы на полигонах.

Выходит, что диверсантам каким-то невероятным образом удалось просочиться через многочисленные заслоны.

Домой майор Волостнов вернулся только к шести часам утра. Недовольный, хмурый, изрядно продрогший. Чмокнул жену в щеку, достал из карманов брюк подарок, завернутый в золотистую хрустящую бумагу, поздравил, не обременяя себя многословием, и пошел ставить чайник, чтобы отогреть изрядно озябшие руки.

Людмила, заметив его безрадостное настроение, как у них было заведено, ни о чем не расспрашивала, просто поблагодарила за подарок, поцеловала в лоб и отправилась спать. Знала, что мужу какое-то время потребуется побыть одному, выпить крепко заваренного чаю и вместе с занемевшими от холода руками отогреть промерзшую душу. Вот тогда он станет тем прежним Левонькой, которого она любила.

Выпив кружку чая, Лев Федорович пошел спать, а чтобы не будить супругу, устроился на кожаном диванчике, укрывшись шинелью. Не имеет смысла погружаться в глубокий сон, через пару часов нужно будет подниматься – на поиски диверсантов требовалось привлечь дополнительные силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.